

UDC 93/94

LETTERS FROM BATTLE-FIELDS AND SOLDIER FOLKLORE
AS A PHENOMENON OF SPIRITUAL AND EVERYDAY LIFE DURING
THE YEARS OF GREAT PATRIOTIC WAR *

Elena S. Senyavskaya

Institute of Russian History, RAN
12 Rozhdestvenka, Moscow, Russia, 107031.
Dr. (History)

The article deals with letters from battle-fields and army folklore as a phenomenon of everyday life during the years of the Great Patriotic War.

Keywords: letters from battle-fields, soldier folklore, the Great Patriotic War, everyday life.

Человек – Творец истории. И не только потому, что она есть продукт человеческой деятельности, что история человечества слагается из человеческих судеб. Независимо от стремления к объективности познания, каждый исследователь, изучающий прошлое, неизбежно привносит в представление о нем что-то свое, в соответствии с собственным жизненным опытом и психологией своей эпохи. Поэтому, быть может, самое главное для историка – попытаться понять своих предшественников, почувствовать то, что чувствовал творец источника в момент его создания.

Особенно это важно для исследования духовной сферы, психологических явлений и феноменов прошлого. Внутренний мир человека – не что иное, как субъективная реальность, а изучение субъективной реальности возможно преимущественно на основе субъективных источников, которые позволяют непосредственно проникать в духовный мир человека, выявлять побудительные мотивы его поведения. И здесь важнейшее значение приобретают источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания), освещающие психологию личности «изнутри», а также источники, в обобщенной форме отражающие универсалии и стереотипы массового сознания, – например, поэтические и фольклорные произведения. При этом источники, относящиеся к продуктам индивидуальной духовной деятельности, часто становятся выразителями типичных взглядов и настроений.

В период Великой Отечественной войны своеобразие этих документов было таково, что они не являлись простым отражением происходивших событий, но сами стали органичной частью, фактом военной повседневности и духовной жизни народа в годы суровых испытаний.

Особенно показательны в этом отношении фронтовые письма. Все они проходили через руки военной цензуры, сыгравшей особую роль в период Великой Отечественной войны, в которой участвовали многомиллионные массы людей, и поток писем из армии в тыл и обратно был огромен и по масштабу, и по значимости своего воздействия на общественное сознание. Разумеется, главной функцией цензуры являлось пресечение утечки через переписку информации, составляющей военную тайну (место действия, дислокация частей, их нумерация, фамилии командиров и т.п.). Однако она была озабочена не только сохранением военной тайны, но и настроениями в действующей армии, занималась составлением обзоров о морально-психологическом состоянии войск, причем информация поступала в

основном в контрразведку и карательные органы. Поэтому при использовании писем военных лет в качестве источника, при оценке полноты и достоверности их содержания всегда следует учитывать, что появились они в условиях военной цензуры, о деятельности которой было хорошо известно их авторам, понимавшим, что за любую неосторожную фразу можно поплатиться. В этом, кстати, кроется причина того, что мы оказались лишены многих духовных ценностей того времени – мыслей, оценок, стихов, которые авторы писем с фронта утаивали, удерживали в себе, зная, что им не миновать военной цензуры. Люди, без страха поднимавшиеся в атаку на врага, среди своих боялись “сболтнуть лишнее” и угодить в СМЕРШ. Однако ни цензура, ни самоцензура не смогли вытравить самую суть фронтовых писем – их искренность и эмоциональность. Пласт этих бесценных документов огромен, но даже сейчас он остается малодоступным, так как материалы военной цензуры в Центральном Архиве Министерства Обороны до сих пор закрыты для исследователей.

Что касается публикаций фронтовых писем (а их в послевоенные годы выходило немало как в столичных, так и в местных издательствах), то все они очень идеологизированы, подобраны “тематически” с целью показать героизм и патриотизм советских людей, их высокие душевные качества и преданность советской власти. Все это, несомненно, было. Но было и другое – отрицательные настроения, отражающие трудные условия фронтового быта, усталость от постоянного риска, конфликты с начальством или товарищами по службе, наконец, естественную реакцию на поражения наших войск и т.п. Такие письма не помещали в сборниках, не выставляли в экспозициях музеев. Да и в музейные фонды они могли попасть лишь случайно, “по недосмотру”, а если уж попадали, то оставались запрятаны глубоко в хранилище, недоступном для широкой публики. Из-за такой недосказанности, “фигуры умолчания” жизнь человека на войне долгое время представлялась односторонне, в героико-романтизированном виде. В начале 1990-х гг. под лозунгом изучения “белых пятен истории” получила распространение другая крайность – печаталась только “чернуха”, при этом очень часто из публикуемых документов, в том числе и писем, старательно убиралось то, что не соответствовало “новому взгляду” на наше прошлое. С научной точки зрения, оба этих подхода недопустимы: любая идеологическая цензура вредна для исторического источника. Поэтому объективные, строго научные публикации сборников писем военных лет еще впереди.

И все же фронтовые письма являются, пожалуй, самыми уникальными и искренними свидетельствами того времени. Мысли и чувства разных людей были так близки, так совпадали их мечты и надежды, такое было духовное родство у товарищей по оружию, что и чужие письма – сугубо личные! - воспринимались как свои собственные. И тот, кто чувствовал, что сам не сумеет так живо и образно передать свое душевное состояние в строчках письма, заимствовал слова у другого. Наиболее яркие письма переписывались и распространялись наравне с полюбившимися песнями. Заменялись лишь адреса и имена, да некоторые детали. Так, в Центральном Музее Вооруженных Сил в Москве хранятся предсмертные письма старшего лейтенанта Александра Набоки к матери и жене [1]. В сборнике «Говорят погибшие герои» эти же письма – к матери и невесте – подписаны именем красноармейца Олега Нечитовского [2]. Письма О. Нечитовского были опубликованы после его гибели в газете «Комсомольская правда» 6 августа 1944 г., то есть на несколько месяцев раньше, чем погиб Александр Набока. Факт удивительный, но закономерный. И можно ли считать заимствованные слова «чужими» для человека, который пал смертью храбрых, как и их автор, и своей судьбой подтвердил и это письмо, и эти слова?

В воинских частях часто бывали случаи, когда бойцы, хорошо владевшие слогом, писали письма по просьбе своих менее грамотных товарищей, по-своему излагая их мысли. Об этом свидетельствует в воспоминаниях поэт-фронтовик Давид Самойлов, упоминая и о существовании такого явления, как солдатские «письмовники» [3]. И явление это в чем-то сродни процессу фольклоризации стихов и песен. Недаром же многие фронтовые песни созданы в форме письма к жене или к любимой девушке; известны и песни-ответы бойцам от имени далеких подруг [4]. Еще в 1944 г. этнограф В.Ю. Крупянская сделала такое наблюдение: «Сейчас уже можно говорить о стихотворных посланиях (к матери, невесте, жене, другу) как о самостоятельном и очень активном фольклорном жанре. Подобные стихи, авторами которых являются и не поэты-профессионалы, чрезвычайно популярны, охотно переписываются, читаются, что называется, «ходят по рукам»» [5].

Хочется подробно остановиться на одной из таких песен, потому что интересна сама судьба ее, связанная с судьбой человека. Эта песня «Разгоняет коптилочка тьму» на мотив знаменитой «Землянки» (кстати, стихи А.Суркова тоже написаны в форме письма) была обнаружена нами в экспозиции зала Победы Центрального Музея Вооруженных Сил в пробитой осколком записной книжке сержанта Дмитрия Власенко. Стихи сразу же привлекли внимание своей образностью и мелодичностью. Начался поиск, выяснение истории песни. В фондах музея оказался значительный комплекс документов о Д.Власенко, который погиб 20 февраля 1945 г. на подступах к Берлину [6]. 7 сентября 1945 г. в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Бесстрашный русский воин» было опубликовано письмо старшего лейтенанта Якова Смоляка, в котором приводятся эти стихи, найденные у Д.Власенко после его гибели, рассказывается о подвиге сержанта и о том, как незадолго до своего последнего боя Д.Власенко, вспоминая невесту, сказал стихами:

*«...Я хочу даже в крике «ура!»
Твое имя вперед пронести».*

И его боевые товарищи, основываясь на этом факте и найдя в записной книжке убитого друга листок со стихами, сочли Д.Власенко их автором (хотя сам он этого нигде не утверждал), а стихи - посвященными его любимой девушке Лидии Харламовой. Однако, проанализировав все материалы, в том числе письма незнакомых людей, присланные его невесте после публикации в газете, неизбежно приходишь к выводу, что Д.Власенко не является автором стихотворного текста, который следует считать словами фронтовой песни, известной задолго до февраля 1945 г. и широко распространенной на других фронтах. Вот что пишет, например, гвардии лейтенант И.Мацак 22 ноября 1945 г. из Польши: «В газете была напечатана та песня, которую мы, офицеры и бойцы, так горячо любили во время боев с немецкими захватчиками. Сейчас, когда отгремели бои, во время учебы, можно услышать часто, как кто-нибудь из воинов запекает: «Разгоняет лампадочка тьму» - и сразу же перед глазами встают последние картины боя» [7].

Подтверждением этому явилась и обнаруженная впоследствии публикация писем лейтенанта Бориса Самойлина к своей невесте, в одном из которых, от 9 декабря 1943 г., приводится строфа из этой песни: «На языке крутится наша фронтовая душевная песенка:

*О тебе я на фронте грущу,
И тебя после дней боевых
Я в глубоком тылу отыщу,
Если только останусь в живых» [8].*

Незначительные расхождения в тексте еще раз доказывают, что песня была известна в нескольких вариантах, как это и свойственно фольклорным произведениям.

Интересно, что эта песня как бы отражает переписку с незнакомой девушкой:
*«Разгоняет коптилочка тьму,
 Освещает мне путь для пера.
 Мы с тобою близки по письму,
 Мы с тобою, как брат и сестра».*

А ведь среди писем военных лет записки незнакомым бойцам и командирам составляют значительную группу. Упоминание об этом мы снова находим у Д.Самойлова: «В войну часто переписывались незнакомые одинокие люди - солдаты, оставившие семью в оккупации, с девушками, брошенными эвакуацией на Урал или в Сибирь. Девушек этих звали «заочницы». Порой такая переписка заканчивалась свадьбой» [9]. Таким образом, в словах фронтовой песни запечатлелось одно из весьма распространенных явлений периода Великой Отечественной войны.

Изменение старых песенных текстов, быть может, одно из самых интересных явлений в развитии фольклора военных лет. Наиболее распространенной была замена отдельных строк и куплетов в русских народных, казачьих, старых солдатских и популярных песнях советских авторов [10]. Очень часто сочинялись стихи на известные мелодии любимых песен. Известно множество вариантов стихотворных текстов на одну и ту же мелодию. Так, различные варианты старой шахтерской песни «Коногон» бытовали у представителей разных родов войск, при этом у танкистов, летчиков, моряков, артиллеристов при сохранении основы сюжета - гибели героя песни и описания горя его родных после получения известия об этом, сама сцена гибели каждый раз приводится в соответствие с реальными боевыми условиями, в которых данному роду войск приходилось действовать.

На разных этапах войны имели распространение те песни, которые наиболее точно отражали настроения людей в связи с изменением положения на фронтах. Так, по свидетельству К.Симонова, в сорок первом это было «Напрасно старушка ждет сына домой...», в сорок втором - «Землянка», в сорок третьем - «Темная ночь», в сорок четвертом - сорок пятом - «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.п. [11]. То же самое происходило и с фольклором - менялась жизнь, менялись и песни. А фольклор, как очень гибкая форма, на любые изменения «реагировал» довольно быстро. По существу, фронтовой фольклор - это песенная летопись войны. В ней, как в зеркале, отразились мысли и чувства людей, их боль и надежда. Были песни «официальные», одобренные на высоком уровне, звучавшие в концертах и по радио. Были и другие, - не вписывавшиеся своей сермяжной правдой в систему агитации и пропаганды, зачастую спорящие с ней. Их пели в землянках в минуты затишья, переписывали в блокноты, посылали в письмах домой, инвалиды исполняли их в поездах. Они разлетались по всей стране столь же быстро, как их знаменитые и обласканные собратья. Сегодня, незаслуженно забытые, они известны лишь узкому кругу специалистов, да еще сохранились в памяти тех, кто пережил войну.

Ярким примером отражения в фольклоре горькой, ничем не приукрашенной правды военных лет являются песни «интимного» содержания. Так, всем известная песня «Огонек» на стихи М.Исаковского имела распространение не только в виде традиционного рассказа о девушке, верно ждущей с фронта своего жениха, но и в прямо противоположном варианте, в котором она изменяет другу и отказывает ему, когда он возвращается домой инвалидом [12]. Подобный полемический характер имеют варианты таких песен, как «Темная ночь», «Моя любимая» и некоторых других. Это свидетельствует о том, что если в песнях «официальных» на всем протяжении войны преобладали мажорные ноты, то устное народное творчество, не связанное с задачами пропаганды, очень быстро откликлось на малейшие оттенки

настроений людей, и непопулярные в средствах массовой информации темы предчувствия смерти, тоски по дому, осуждения женской неверности занимали в нем весьма значительное место, - очевидно, такое же, как и в самой жизни фронтовиков. Яркое тому подтверждение можно найти во фронтовом дневнике бойца Георгия Напетваридзе. 23 октября 1941 г. он записал: “Едем на фронт. Вагон набит людьми, как ларь – кукурузой. Тихо, очень тихо, так, что даже нельзя разобрать слов, а только мотив, поют. Содержание песни такое: мы едем. Впереди путь далекий и незнакомый. Потеряна жена, чужие люди увели ребенка. Едем мы, гонимые, исполненные жажды мести. За нами – сожженные нивы и сады. Неутомимый враг преследует нас, и едем мы в глухую ночь. Мы вернемся и, усталые, позже снова отыщем друг друга, но на это требуется больше времени, чем на войну... По забитому людьми вагону проходит хмурый политрук. Он слышит песню, но ничего не говорит, не останавливает ребят. Мотив песни как нельзя лучше выражает общее горе, и у слушателей на глазах сверкают слезы” [13]. В этом рассказе интересно не только описание песни и ее эмоционального воздействия на бойцов, но и опасливое отношение к политработнику, который по долгу службы мог пресечь ее “разлагающее влияние” на боевой дух красноармейцев.

Еще в 1944 г. вышел в свет сборник “Фронтowej фольклор”. В комментариях к нему автор-составитель В.Ю.Крупянская отмечала, что “если в песенном творчестве наших поэтов преобладает героический жанр, то в красноармейской среде наблюдается огромная тяга к лирике”, интимный мир переживаний и чувств ищет выхода в песне [14]. Фольклор так же, как письма и дневники, отражал то, что недоступно никаким другим видам источников, – душу человека на войне. Он возникал под влиянием чувств и переживаний, переполнивших эмоциональную сферу людей и требовавших какого-то выхода. Именно это вызвало небывалую творческую активность народа, сумевшего в особой лирической форме отразить всю историю Великой Отечественной войны. Фронтowej песня звучала в окопах и землянках, перед боем, на отдыхе, в походе... Везде она была неизменным спутником бойца, и каждый новый исполнитель непременно вносил что-то свое, становясь соавтором песни, автором которой был народ.

До сих пор мы говорили о фольклоре. Но очень сложно провести грань между песнями самодеятельными, авторы которых впервые начали сочинять в годы войны, и песнями, написанными поэтами-профессионалами, но прошедшими долгий путь из уст в уста, подвергшимися обработке и дошедшими до нас как варианты народных песен. Так же трудно разделить поэтическое и песенное творчество военных лет. Стихи фронтowych поэтов, в отличие от песен, не являются фольклором в полном смысле этого слова, если понимать под ним устное народное творчество. Кроме того, в большинстве случаев мы имеем здесь твердо установленное авторство. Однако, процесс сближения и взаимопроникновения этих двух жанров шел довольно интенсивно, и значительная часть стихов, напечатанных как в центральных, так и во фронтowych, армейских, дивизионных газетах, продолжала дальнейшее свое существование в качестве песен, тем более, что сочинялись многие из них в ритмических размерах песен уже известных и легко ложились на их мелодии.

Известный этнограф М.Азадовский упоминал имевшие место во время войны дискуссии о том, являются ли вообще фронтowej песни фольклором или их следует рассматривать исключительно как формы народно-художественной самодеятельности и творчества начинающих поэтов, так как песни эти не отличались еще в эпические формы, не приобрели окончательной шлифовки и далеки от образцов старого фольклора. Однако, по его словам, подобно старинным народным песням они также утрачивают своего творца-создателя, становятся продуктом

коллективного творчества и выполняют фольклорную функцию [15]. Иной точки зрения придерживалась В.Ю. Крупянская, которая трактовала термин “военный фольклор” очень широко, включая в него как памятники непосредственного творчества самой красноармейской массы (новые песни, частушки, шуточные рассказы и анекдоты, пословицы и поговорки), так и произведения поэтов-самоучек, и произведения, изданные профессиональными поэтами, получившие широкое распространение в красноармейской среде, ассимилировавшиеся с ней и подвергшиеся значительной переработке в соответствии с ее понятиями и вкусами [16].

Долгое время исследования этого вида источников носили этнографический или литературоведческий характер. Историки и источниковеды их изучением почти не занимались, хотя произведения песенного и поэтического фольклора абсолютно уникальны в плане раскрытия духовного облика социального субъекта в определенную историческую эпоху и могут успешно использоваться в историко-психологических и собственно исторических исследованиях. При этом источники для изучения психологии массового социального субъекта (в том числе личного состава вооруженных сил) имеют двойственный характер: с одной стороны, – объективно фиксируют явления повседневной жизни и социальную практику, действия и поступки, в которых проявляются интересы, ценности, взгляды и убеждения людей; а с другой, – непосредственно отражают эту, субъективную сторону их бытия.

Еще один примечательный факт – это процесс взаимопроникновения и взаимоотражения разными видами источников друг друга. Письма с вложенными в них стихами и стихи в виде писем, воспоминания, рассказывающие о том, что значили для людей на войне письма от родных и близких, как нужны были им любимые песни. Но, пожалуй, самое интересное, как оценивались эти виды источников в них самих, что писалось о письмах – в письмах, что пелось о песнях – в самих песнях. Примером могут служить хотя бы эти знакомые всем строчки:

«Кто сказал, что надо бросить

Песни на войне?

После боя сердце просит

Музыки вдвойне!» [17]

Что же касается писем, то почти в каждом из них встречаются слова о том, как радостно получать солдату весточку из дома, как поддерживает она его душевные силы, помогает и ободряет в бою. Но главное, подчеркивая искренность этих документов, многие фронтовики уже тогда считали, что в будущем именно по ним следует сверять свои душевные качества, чтобы поддерживать их на той нравственной высоте, которую достигли на войне, потому что под пулями не лгут, не лицемерят, не думают о том, как бы покрасивее высказаться. «Кончится война, и совсем небезынтересно будет прочитать все эти письма, полученные на фронте, – писал 22 апреля 1943 г. пулеметчик Василий Пластинин. – И по ним сверить свою жизнь и жизнь своих друзей. Ведь сегодняшние дни, а теперь уже годы войны отличает невероятная людская искренность, что ли, обнаженные чувства, отсутствие фальши в отношениях между товарищами. И если кого-нибудь из них я увижу изменившимся, я предъявлю ему его собственное письмо и скажу: «Смотри, каким ты был»» [18].

«Летописью боя» и «хроникой чувств» назвал в своих стихах фронтовые письма поэт Иосиф Уткин. Но этот образ с полным правом можно отнести также к поэзии и песенному фольклору военных лет, к дневникам и воспоминаниям фронтовиков, в которых нашли отражение социально-психологические аспекты истории Великой Отечественной войны. В своей совокупности эти источники составляют комплекс

взаимосвязанных и взаимодополняющих документов, позволяющий разносторонне осветить психологию её участников и современников, их повседневную и духовную жизнь, уникальное народное творчество военного времени.

Примечания:

1. Центральный музей Вооруженных Сил РФ (далее – ЦМ ВС РФ). 4/67082/3080/1-2
2. Говорят погибшие герои. М., 1986. С. 333-334.
3. Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1. С. 70.
4. Целый раздел, посвященный песням-письмам с фронта и на фронт, см. в сборнике: Незабываемые годы. Русский песенный фольклор Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 42–60. Немало таких песен и в других сборниках фольклора. См. также главу «Песни о фронтовой переписке» в книге: Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. М., 1995. С. 140–148.
5. Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 11.
6. ЦМ ВС РФ. 4/3072.
7. ЦМ ВС РФ. 3/43510.
8. Творцы победы: от рядового до маршала. М., 1987. С. 42-43.
9. Самойлов Д. Указ. соч. С. 69.
10. а) «Варяг», «Коногон», «Раскинулось море широко», «Черный ворон» и др.; б) «За курганом пики блещут», «Любо, братцы, любо» и др.; в) Песни гражданской войны: «Каховка», «По долинам и по взгорьям», «Там вдали за рекой» и др.; г) «Три танкиста», «Любимый город», «Катюша», «Синий платочек», «Землянка», «Огонек», «Темная ночь», «Моя любимая» и др.
11. Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 164.
12. Публикации разных вариантов этой и других песен-«перевертышей» см.: Пушкарев Л.Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 98-99; Сенявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 170-171, 176.
13. Напетваридзе Г. Неоконченная баллада. Рассказы, военные дневники, письма, стихи. М., 1964. С. 80.
14. Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 19-20.
15. Там же. С. 5-6.
16. Там же. С. 4.
17. Лебедев-Кумач В. Только на фронте // По военной дороге. Сб. песен о Советской Армии и Военно-Морском флоте. М., 1988. С. 192.
18. Борисов А. Встреча с погибшим другом. М., 1987. С. 126.

УДК 93/94

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА И СОЛДАТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ФЕНОМЕН
ПОВСЕДНЕВНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Елена Спартаковна Сеньявская

Института российской истории РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

В статье рассматриваются фронтовые письма и армейский фольклор как феномен повседневности в годы Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: фронтовые письма, солдатский фольклор, Великая отечественная война, повседневность.